

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 6, pp. 1154–1164, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94:008(=512.31)(571.54)
 DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1154-1164

Советская модернизация культуры и быта бурят в 1920–1930-е гг.

Виктория Владимировна Номогоева¹

¹ Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент кафедры

 0000-0001-8852-2230. E-mail: nomogoeva67@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Номогоева В. В., 2021

Аннотация. *Введение.* Начиная с XVII в. буряты в составе Российского государства оказались в сфере влияния западной светской культуры и православного христианства. В хозяйстве и быту в зависимости от природно-климатических условий распространяются основы земледелия, добывающей промышленности и русской культуры. Но в целом в составе Российской империи буряты продолжали развивать экстенсивное кочевое и полукочевое хозяйство, их культура носила патриархальный характер. В 1923 г. с созданием Бурят-Монгольской АССР начинаются процессы трансформации и изменения культуры и быта бурят. Модернизация происходит во всех сферах традиционной жизни, таких как хозяйственные занятия, материальная культура, семейно-брачные отношения, религиозные воззрения, общественный досуг и др. *Целью* исследования является изучение процессов модернизации культуры и быта бурят на начальном этапе советского строительства. *Материалы и методы.* Основными источниками стали документы Государственного архива Республики Бурятия. Большое значение в раскрытии темы сыграли опубликованные источники и материалы СМИ. Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, системности, объективности, достоверности, позволяющие рассмотреть процесс советской модернизации бурятской культуры как многомерный, противоречивый процесс, избегая как односторонней критики, так и идеализации. *Результаты.* В процессе изучения материалов СМИ и архивных источников советского строительства Бурятии условно определяются два этапа. Первый происходит от образования Бурят-Монгольской АССР и до конца 1920-х гг. — времени, когда начинаются коренные преобразования в образе жизни бурят, но культура и быт еще в основном сохраняют традиционные черты. С началом коллективизации и процесса оседания кочевых хозяйств Бурятии, со времени «Великого перелома» и начала «воинствующего атеизма» начинается период интенсивного строительства новой жизни и искоренения традиционного быта. Полученные результаты позволили прийти к *выводу*, что советская модернизация охватила весь бурятский социум, и ее воздействие оказалось глубоким, всесторонним и действенным. Бесспорно, этот проект модернизации был осуществлен и решил возлагавшиеся на него задачи и надежды.

Ключевые слова: советская власть, буряты, материальная культура, быт, общественный досуг, трансформации, модернизация

Для цитирования: Номогоева В. В. Советская модернизация культуры и быта бурят в 1920–30-е гг. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1154–1164. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1154-1164

The 1920s and 1930s Soviet Modernization of Buryat Culture and Household Life Revisited

Viktoriya V. Nomogoeva¹

¹ Banzarov Buryat State University (24A, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0001-8852-2230. E-mail: nomogoeva67@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Nomogoeva V. V., 2021

Abstract. *Introduction.* Since the 17th c. as part of the Russian Empire, Buryats found themselves in the sphere of influence of Western secular culture and Orthodox Christianity. Depending on the local natural and climatic conditions, some basic features of agriculture, mining, and Russian culture were introduced into the Buryat economic activities and everyday life, but, in general, the people persisted in their extensive nomadic and semi-nomadic economy and patriarchal culture. In 1923, with the birth of the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic (BMASSR), the processes of transformation of their culture and life began in every sphere of their traditional life, such as economic activities, material culture, family and marriage relations, religious beliefs, public leisure, etc. The article *aims* to study the processes of modernization of Buryat culture and everyday life at the initial stage of Soviet construction. *Materials and methods.* Major sources for the study were documents from the State Archives of the Republic of Buryatia; also, published sources and media materials were of great importance for the discussion. In its methodology, the study proceeds from the principles of historicism, consistency, objectivity, and reliability, helpful in approaching the process of Soviet modernization of Buryat culture as a multidimensional, contradictory process, hence avoiding both one-sided criticism and idealization. *Results.* The undertaken analysis of pertinent media materials and archival sources shows that two stages may be singled out in the Soviet construction in Buryatia. The first stage, that began with the formation of the BMASSR and continued to the late 1920s, was the time of radical transformations introduced in the lifestyle of the Buryats, but, still, their traditional culture and life persisted. They were to finally give up, with the policy of collectivization and the process of settlement of the nomadic Buryats pursued by the Soviet authorities at the next stage marked by *Velikii perelom* (Great turning point) and the beginning of “militant atheism”, i. e. in the period of intensive construction of a new life and the eradication of traditional lifestyles. The study *concludes* that the Soviet modernization embraced every aspect of the Buryat society, and its impact was deep, comprehensive, and effective. The project was implemented, with objectives and hopes assigned to it fulfilled.

Keywords: Soviet power, Buryats, material culture, everyday life, public leisure, transformations, modernization

For citation: Nomogoeva V. V. The 1920s and 1930s Soviet Modernization of Buryat Culture and Household Life Revisited. *Oriental Studies*. 2021; 14 (6): 1154–1164. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1154-1164

Введение

В последнее десятилетие историческая наука изобилует новыми подходами, методическими приемами. Целые пласты

истории подвергаются переоценкам, навешиваются ярлыки.

Сегодня, отбросив штампы, которыми уже отмечены многие события советской

истории, мы имеем возможность заново взглянуть на общеизвестные события, происходившие в нашей стране в период строительства социализма. Многие социальные проекты, реализованные в 1920–1930-е гг., заслуживают особого рассмотрения и анализа.

Создание нового советского типа общества — многомерный процесс, в результате которого произошла трансформация социальной структуры, материальной среды обитания и духовной сферы повседневности. В связи с этим особый интерес представляет история Бурят-Монгольской АССР (далее — БМАССР) в 1920–1930-е гг., когда наряду со старыми традициями стали появляться черты нового уклада, стало меняться сознание населения, система отношений, вырабатывались новые мировоззренческие ориентации.

В годы советских преобразований бурятская этническая общность имела свои особенности развития, которые особенно коснулись демографических трансформаций. В регионе наблюдается постепенный рост численности и плотности населения, увеличивается продолжительность жизни. В целом улучшаются материально-бытовые условия проживания, что сопровождается ростом профессионального и культурно-образовательного уровня социума. В этот же период происходит трансформация гендерных взаимоотношений, что было связано с вовлечением женщин во все аспекты деятельности общества.

Эти процессы развития бурят в 1920–1930-е гг. были тесно связаны с коренными социально-экономическими и культурными преобразованиями, осуществлявшимися в ходе создания советского общества.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, системности, объективности, достоверности, позволяющие рассмотреть процесс советской модернизации бурятской культуры как многомерный, противоречивый процесс, избегая как односторонней критики, так и идеализации. Автор в своей работе стремился преодолеть ранее сложившийся схематизм и политико-идеологическую направленность при освещении развития культуры в Бурятии в период начального этапа строительства социализма, переосмыслить с позиций современности национальную проблемати-

ку культурных процессов, раскрыть национальные черты самосознания бурятского народа, особенности проявления его культурных и духовных традиций, подвергавшихся идеологическому и силовому давлению.

Историография проблемы обширна, она представлена в крупных исследованиях, трудах, посвященных политической и социально-экономической истории БМАССР [Бурят-Монголия 1953; Митупов 1957; Митупов 1958; Очерки истории 1970; Тармаханов 1979; Социальная структура 1990; Санжиев 1995; Боронова 2009].

Существующие на данный момент оценки советской модернизации бурятской культуры весьма разнообразны и противоречивы по своему характеру. Часть исследователей полагает, что данные преобразования были глубоко позитивными, восхвалявшими созидательное начало и имевшими важное значение для дальнейшего прогресса общества. Существуют и обратные оценки, резко негативные по своей сути, характеризующие разрушение традиционных основ этноса.

Поэтому целью данной работы является изучение процессов модернизации культуры и быта бурят на начальном этапе советского строительства, повлиявших на развитие просвещения и образования, урбанизацию и формирование светского быта на фоне утилизации хозяйственных и повседневных традиций и практик народа.

С победой Октябрьской революции и с началом строительства социализма в СССР произошли коренные изменения в жизни бурятского населения. Новые веяния коснулись всех сторон жизни бурят. Строительство первых промышленных предприятий в Бурятии, коллективизация и оседание кочевых хозяйств, культурные преобразования способствовали становлению культуры нового типа — советской культуры.

На страницах газеты «Бурят-Монгольская правда» в первые месяцы существования республики была опубликована статья «Необходимость освещения быта бурят-монгол», в которой говорилось, что характер строительства новой жизни всецело обуславливается бытом и жизнью данного народа, а потому всестороннее освещение, правильная ориентация в разрешении различного рода вопросов, связанных с бытом,

есть залог успешного проведения в жизнь революционных завоеваний [Необходимость 1923: 1].

Повседневная жизнь бурятского населения в первые годы советского строительства

Исторические основы хозяйства и культуры бурят

Традиционными отраслями хозяйства в Бурятии были скотоводство и земледелие, промыслы и ремесла. Хозяйственные занятия бурятского населения были обусловлены их природно-климатическим окружением. До революции в Бурятии существовало два исторически сложившихся хозяйственно-культурных типа — земледельческо-скотоводческий и кочевой скотоводческий.

Помимо кустарной обработки дерева, металла, главным образом железа, буряты занимались обработкой шерсти и шкур домашних животных: войлок шел на покрытие юрт, изготовление конской сбруи, ковриков, постельных принадлежностей (одеяла и кошму); шерсть — на различные виды веревок, все необходимые хозяйственные принадлежности; из шкур и кожи шили дэргэлы (верхняя зимняя одежда), малгай (головные уборы), гутал (обувь), уздечки, седла, домашнюю утварь, хозяйственные принадлежности.

Со сменой политического строя и переходом населения от кочевого образа жизни к оседлому постепенно домашнее производство начинает сворачиваться. Во-первых, из-за сокращения кочевого хозяйства и, во-вторых, появления на базе колхозов и совхозов массового кустарного производства, которое покрывало необходимость в изделиях из шерсти, дерева, железа для животноводства.

В 1920–1930-е гг. в результате мероприятий по коллективизации крестьянских хозяйств происходит переход бурятских кочевых и полукочевых хозяйств к оседлому образу жизни в стационарных поселках и к земледельческому труду. В связи с этим они начинают осваивать новые формы быта, учатся строить постоянные жилища, которые явились важнейшим условием нового бытового уклада.

Жилище

Тип бурятских жилищ был обусловлен кочевым образом жизни, что издревле определило тип замкнутого компактного жили-

ща — сборно-разборного сооружения из решетчатого каркаса и войлочного покрытия, круглого в основании и с полусферическим верхом [Бабуева 2001: 23].

Буряты, занимавшиеся земледелием, вели оседлый или полукочевой образ жизни. Особенностью их быта было проживание в домах деревянной постройки. В то же время сохранились традиции использования различной утвари: во многих домах по-прежнему использовали сундуки для хранения одежды и домашней посуды, деревянные кровати покрывались войлочной кошмой.

К концу 1930-х гг. в бурятских домах появляется мебель заводского производства — кровати, столы, стулья. В домах часто держали хозяйственную утварь, сбрую. Стены украшали в основном портретами родных и близких, политическими картами и агитплакатами.

Помимо традиционной домашней утвари, приспособленной к кочевому и полукочевому образу жизни, буряты начали пользоваться разнообразным ассортиментом посуды фабричного производства: фаянсовой, алюминиевой, эмалированной и др.

Вот как описывает свой быт в бурятском улусе молодой русский учитель: «Юрты разбросаны на версту, на две. И среди этих одиночек-юрт стоит русский дом. Это — школа. Здесь и класс, здесь и квартира учителя. Сторож-бурят готовит обед: принесет из амбарушки баранины, белой от жира, нарежет ее мелкими кусочками, поставит на плиту, а сам встанет на колени перед низким столиком и начинает катать лапшу. Поч-та приходит раз в две недели. И письма, и книги, инструкции центра — все, что сюда посылается, в лучшем случае получит учитель подчас через месяц. А газет — раньше месяца не жди...» [В степи 1925: 5].

Одежда

Полевые материалы, музейные коллекции и фотодокументы в фондах музеев Бурятии свидетельствуют о том, что большинство бурятского населения продолжает носить свою традиционную национальную одежду, несмотря на революционные изменения в общественной жизни [Боронова и др. 2017]. Однако торговые сети уже предлагают широкий выбор тканей для пошива и мужской, и женской одежды, которую в

основном шили из хлопчатобумажного материала, сукна или шерсти.

По мере развития кооперативной торговли, после завершения коллективизации сельского хозяйства одежда подвергалась наиболее заметному влиянию городской культуры. Мужчины начали носить одежду фабричного производства: пальто, пиджаки, брюки, шляпы, кепки, сапоги и ботинки. Студенты и молодежь, жившие в городах и поселках, обучавшиеся в вузах, техникумах, училищах, школах-интернатах и в детских домах, преимущественно уже носили одежду светского типа. К концу 1930-х гг. молодые мужчины одевались по-городскому и в сельской местности. Национальную одежду в повседневности продолжали носить в основном пожилые мужчины.

Женская одежда оставалась более консервативной. Молодые женщины в сельской местности продолжали носить одежду национального покроя вплоть до начала 1940-х гг., только шили ее из разнообразных тканей. У молодых женщин она была более ярких цветов.

Партийные, советские, комсомольские органы и интеллигенция проводили мероприятия против ношения традиционной одежды, стараясь вовлечь молодежь в комсомол и в общественную жизнь. Бурятские девушки стали меньше носить традиционные серебряные украшения. Постригают волосы, длинные косы и те понемногу исчезают, уходят в область прошлого, свидетельствует хроника того времени [Делегаты обсуждают 1925: 3].

К концу 1930-х гг. реже носят старинные бурятские украшения и пояса с серебряными бляхами, храня их как реликвию. Появляются карманные и ручные часы. Девушки начинают пользоваться косметическими средствами.

Питание

Исторически сложившаяся система питания кочевников была основана на строгом балансе мяса и молочных продуктов, незначительного количества растительных продуктов, а также продуктов охоты и рыбной ловли. В летний сезон, со времени отела скота и до окончания его дойки, преобладали различные виды молочных продуктов. Молоком забеливали чай, который пили в течение дня много раз. Масло, сбитое из сливок, хранили до зимы в сосудах, изготов-

ленных из желудков овец и коров. Из снятого молока готовили *арсу* (кислое молоко), которое потом перегоняли, как правило, на *архи* (водку). Из оставшейся после перегонки жидкой и творожной массы изготавливали самые различные виды молочных продуктов [Бабуева 2001: 5].

Мясную пищу буряты употребляли в основном в холодное время года, с осени, когда переставали доить домашних животных. Особенности натурального скотоводческого хозяйства обусловили посезонное употребление мяса определенного вида: летом баранина, к зиме — конина, зимой — говядина. В ноябре и декабре производили забой скота, мясо овец и коз употребляли обычно в теплое время года, что было связано с возможностями хранения.

У бурят-кочевников очень высоко ценилось умение правильно разделывать тушу, а при угощении гостей, особую роль отводили определенным частям животного: голове, грудинке, крестцу. Основным мясным блюдом был бухлёр (вареное мясо без приправ). Из субпродуктов готовили разного вида колбасы — *дотор*.

В питании бурятского населения, проживавшего у водоемов, значительное место занимали блюда из рыбы. Буряты рыболовецких районов считали рыбу значительно вкуснее мяса. Ее употребляли в пищу в любом виде: вареном, жареном, соленом и вяленом.

Удельный вес мучных и крупяных продуктов в питании бурят резко увеличился в связи с развитием в послереволюционные годы земледелия. Стали употреблять различные виды мучных и крупяных изделий, а также овощи и фрукты. В связи с расширением торговых предприятий населению стали доступны различные товары: сахар, сладкие и кондитерские изделия.

В целом в этот период продуктовый стол бурятского населения продолжал оставаться традиционным, это целиком зависело от социально-экономической базы жизнеобеспечения. По мере трансформации хозяйства, перехода на земледельческую и индустриальную основы продуктовый набор и способы приготовления пищи постепенно изменялись, этому способствовали развитие земледелия, огородничества, птицеводческого и рыболовного производства и усиление связи с городом.

Семья и домашний быт

Советские принципы семьи шли в противоречие с традиционными семейно-брачными отношениями, поэтому власть начала борьбу по раскрепощению женщин. В декабре 1917 г. первые советские декреты провозгласили полное равноправие женщин и мужчин. Бурятским женщинам стало доступно обучение в школах, техникумах, училищах, вузах. В 1924 г. половину учащихся Бурятского педагогического техникума составляли девушки [ГА РБ. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 125. Л. 119]. Также увеличивалось с каждым годом число женщин — членов потребкооперации. Женщинам открылись возможности руководящей советской и партийной работы, а также производительного труда в народном хозяйстве.

Были проведены реальные мероприятия для высвобождения женщин от домашнего хозяйства и воспитания детей. Впервые в истории Бурятии были открыты детские учреждения: в 1926 г. первый детский сад при заводе «Стеклодуй», в котором воспитывалось 36 детей [ГА РБ. Ф. Р-60. Оп. 3. Д. 175. Л. 4.]. Были организованы ясли, уголки «мать и дитя», «красные юрты», «дома бурятки», где велась политико-воспитательная работа среди женщин, им прививались санитарно-гигиенические навыки, их обучали работе на сепараторах, швейных машинах.

Так, «красные юрты» приобщали женщин через беседы, чтение газет и журналов не только к коммунистическим идеалам, но и к новым формам быта и другим стандартам гигиены и санитарии. В штате «красной юрты» были медработники, которые осматривали женщин, проводили лекции на темы заразных болезней, вели беседы о гигиене, здоровье, правилах по уходу за ребенком.

Изменения в производственной и общественной жизни вызвали преобразования в домашнем быту и в семейных отношениях. Постепенно были вытеснены традиционные нормы обычного права в области семейных отношений: калым за невесту, сложная свадебная обрядность и местные ритуалы.

Уже в 1920-х гг. имелись факты межнациональных браков между молодыми людьми, не имевшие распространения в до-революционной Бурятии. В последующем количество смешанных браков увеличива-

лось, и к концу 1930-х гг. вступление в брак с представителями других национальностей не осуждалось [Махарова 2003: 23].

Советские преобразования в экономике, повседневной жизни, культуре приводили к складыванию новых общественных отношений, утверждению новой морали и нравственности бурят. Участие в социально-экономических процессах, в управлении и политике, улучшение условий быта и ведения домашнего хозяйства преобразовало бурятскую женщину.

О том, что женщина может на равных конкурировать с мужчинами при конкурсном приеме на работу свидетельствует публикация в газете того времени [Делегаты обсуждают 1925: 3]. Ввиду имеющихся вакансий на телеграфе, нужно было принять одного безработного. Но вот загвоздка: кого взять — мужчину или женщину? Несмотря на то, что женщина по квалификации стояла выше мужчины, администрация уперлась и заявила: «И так много бабья, беда с ними: то забеременела, то родила, то ребенка кормит. Ни с почтой по тракту нельзя послать, ни заставить что-либо потяжелее работать. Не надо бабья. Тогда союз предложил сделать этим двум кандидатам экзамен. Женщина с честью вышла из испытания, и пришлось администрации уступить и принять на службу» [ГА РБ. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 27. Л. 27].

Образование и воспитание молодого поколения, являвшиеся важной составляющей бурятской семьи и рода, стало проводиться вкуче со школой, пионерской, комсомольской организациями на основе советских идеологических принципов — свободы, равноправия и дружбы народов.

Религиозные воззрения

Особенности бурятского традиционного образа жизни и культуры складывались исторически на протяжении весьма длительного времени. Они определялись условиями функционирования бурятского этноса, главными из которых являлись природное, пространственное, культурное окружение, основанное на кочевом способе производства. Колоссальное влияние на культуру и мировоззрение бурят в целом оказало взаимопроникновение традиционного и религиозного культов, способствовавшее созданию своеобразной ментальности, духовной культуры, представляющей собой тесное

переплетение этих религиозных систем. В силу исторических причин традиционное мировоззрение бурят представляет собой синтез шаманской и буддийской традиций [Номогоева 2011: 87].

В Бурятии шаманизм был «своей», исконной религией, существовавшей еще до начала распространения христианства и буддизма. Шаманизм являлся основным культом — культом предков, реальных и мифических, регулирующим повседневную жизнь народа, основанном на родоплеменных общественных отношениях. Каждый род, племенная общность имели свои культовые места, на которых происходило поклонение эзынам — духам предков. С приходом буддизма традиционные культовые места шаманистов были синкретизированы. Эзыны объявлялись «ламаизированными», им присваивалось тибетское имя, и на этом месте воздвигалось обо по буддийским правилам. Регулярные общественные поклонения продолжали происходить, но уже на основе новых ламаистских традиций. Духи предков воспроизводят теперь смысл духов-покровителей гор, местностей — таким образом происходит смешение культов семейно-родовых покровителей, шаманских предков с поклонением духам — покровителям местности (*орондэлхэй, газар уһанай-ээд-луусабдагууд*) [Галданова 1997: 96–97].

В XVII–XVIII вв. на территорию Забайкалья проникает буддийская религия, оказавшая определяющее влияние на формирование бурятской национальной культуры. Распространяясь в иной этнической и социокультурной среде, буддизм ассимилирует прежде всего самые социально значимые культы и обряды, такие как культ обо. Обо представляется ламаистской трансформацией шаманского жертвенника — *шэрээ* (жертвенный холмик, образовавшийся за много лет из сожженных костей и несъедобных остатков жертвенных животных в традиционных местах летних общественных жертвоприношений) [Гомбоев 2004: 144].

Буддийское духовенство для утверждения своей религии среди шаманистов было вынуждено сохранить в измененном и приспособленном виде некоторые шаманистические обряды, например жертвоприношения на перевалах и в местах бывших тайлаганов, получивших название *обо тахилган* [Манжигеев 1978: 61].

Почитание обо оказалось наиболее живучим, устойчивым традиционным бурятским обрядом, который продолжал бытовать (часто полулегально) на протяжении всего советского времени.

О том, что религиозные обряды Бурятии в первые годы советской власти происходили беспрепятственно, свидетельствуют многочисленные источники. В частности, шаманский обряд подробно описан Г. Ц. Цыбиковым в статье «Шаманизм у бурят-монголов», опубликованной в 1981 г.: «До сих пор шаманские церемонии требуют значительного числа людей, совершаются под открытым небом и вблизи деревьев. Деревья рубят и втыкают комлем в землю. Но при посвящении в шаманы дерево выкапывают с корнем и сажают на месте церемонии. Все это, а также привешенные к дереву во время обряда шкурки зайцев, горностаев, белок и хорьков подтверждают мысль, что шаманизм родился в лесах и рощах во время охотничьих сезонов. Но бывают случаи, когда шаманское молебствие совершают в доме или в юрте больного. Тогда церемония происходит у постели больного, рядом с которой, если позволяет устройство жилища, кладут комель специально привезенного дерева, выставив его остальную часть снаружи юрты» [Цыбиков 1981: 172–173].

В буддийской традиции существует театральная мистерия Цам, которая проводилась в дацанах. В 1929 г. в с. Тамча, у стен Гусиноозерского дацана, театральная студия формировавшегося в те годы бурятского театра в поисках национального репертуара в рамках летнего культпохода зафиксировала репетиционный период по подготовке ламами цамовского представления. Студийцами было сделано свыше ста зарисовок орнаментики, масок, костюмов и предметов ламского религиозного культа. Собрано свыше 300 экспонатов, состоявших из бурханов, принадлежностей ламского культа и предметов дацанского искусства [Бурят-Монгольская 1929: 103].

Однако к концу 1920-х гг. начинается процесс преследования за религиозные верования населения. Так, на заседании антирелигиозной комиссии Буробкома ВКП(б) от 31 октября 1928 г. признавалось, что на местах властями допускаются нарушения революционной законности, которые проявляются в грубом административном нажиме

на верующих путем насильственных, репрессивных мер. Отдельные представители и даже целые сельские советы и районные исполнительные комитеты производят закрытие дацанов, арест лам и конфискацию их имущества, наложение штрафов на лам и верующих за соблюдение и проведение ими религиозных обрядов и праздников [Номогоева 2010: 77–80].

Так, например, Зугалаевский сомонный совет арестовал и направил под конвоем в село Агинское в распоряжение Государственного политического управления гражданина Дашипыла Базарова, бедняка, за то, что он на общем собрании граждан по вопросу о закрытии Загулаевского дацана заявил: «Мы, верующие, будем молиться богу, почитать своих лам и ходить в дацан. Мы, группа верующих, имеем разрешение от Административного отдела АИКа на совершение зимнего хурала, и если бы советская власть запрещала религию, то Административный отдел не дал бы нам разрешения на проведение хурала. Вы, сомсовет, делаете это незаконно» [Цыремпилова 2000: 93].

В Ага-Хангильском сомоне празднование Сагалгана было категорически запрещено сомсоветом. Беднота, хотя и не вся, была с этим согласна, но середняцкие элементы были крайне недовольны тем, что им так и не предоставили возможность провести свой национальный праздник [Цыремпилова 2000: 95].

Еще более решительные меры были предприняты в Цокто-Хангильском сомоне. Там по распоряжению избача было объявлено, что «все, кто будет праздновать Сагалган, будут оштрафованы на 30 рублей, а те, кто вывесят у себя бурхан (икону) — в 25 рублей. Исполнители населению говорили, что штраф будет не 30 рублей, а 300 рублей. Население было возмущено» [ГА РБ. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 1287. Л. 2–4].

Советские праздники

Разумеется, что в короткие сроки сломать традиционный образ жизни, религиозные верования, которые на протяжении исторического развития народа являлись основой жизненного уклада, было невозможно, поэтому власти боялись объявлять запреты, внедряя на первых порах «социалистическую обрядность» [Нимаев 1988: 105].

С началом социалистического строительства, для борьбы с традиционными обрядами советская власть внедряет через комсомольцев и молодежь новые советские праздники, в ходе проведения которых решались и политико-просветительские задачи. Они носили ярко-выраженную пропагандистскую и атеистическую направленность, демонстрировали приверженность к новым социалистическим идеалам. В первые годы советской власти уже устраиваются образцово-показательные мероприятия — народные, религиозные, бытовые: «красное рождество», «красная пасха», «красные крестины», «красные свадьбы», «красные похороны». При всей пропагандистской направленности перекрашивание обрядовых традиций в красные цвета не дали нужного эффекта. Сила приверженности традициям, нормам и образу жизни у бурят, как впрочем, и у многих народов, была значительной [Делегаты обсуждают 1925: 3].

С первых дней Советская власть уделяла особое внимание учреждению и празднованию коммунистических, революционных праздников. В 1918 г. общегосударственными праздниками были объявлены не только 7 ноября, 23 февраля, 8 марта, 1 мая, но и 22 января (в память о «кровавом воскресеньи»), 12 марта (день падения самодержавия), 17 января (день памяти Карла Либкнехта и Розы Люксембург), 22 декабря (день памяти московского вооруженного восстания), 16 апреля (день приезда Ленина в Петроград) [Тульцева 1985: 20].

В Бурятии в социалистическую обрядность был включен единственный национальный праздник — Сурхарбан (Зунай наадан), основанный на традициях кочевников совершать игры трех мужей (стрельба из лука, борьба и конные скачки) в начале летнего изобилия, когда представители всех родов могли собраться для того, чтобы помериться силами и ловкостью. В основу праздника были положены исконные традиции песнопения, танцев и угощений. Обязательно исполнялся круговой танец «Ёхор», символизирующий единение народа. Сурхарбан проводился последовательно в каждом населенном пункте, затем на уровне аймака, района, а итогом являлся республиканский праздник Сурхарбан, который был проведен впервые в 1924 г. В средствах массовой информации публиковались реко-

мендации чаще проводить праздники Сурхарбан, заранее приготовляя для них луки и стрелы [Делегаты обсуждают 1925: 3].

Усиленная кампания агитационно-пропагандистской деятельности Советской власти, изменение образа жизни, культурные преобразования привели к постепенному изменению сознания бурятского народа. Особенно быстро перестраивалась молодежь, которая через учреждения образования и культурно-просветительской работы перенимала социалистические правила и законы морали и нравственности. Красногвардейская атака на религиозные учреждения и их служителей постепенно уводила их из привычного круга верующих. С конца 1920-х гг. разворачивается борьба с религией, которая была объявлена вне государства, подлежала искоренению.

В дискуссии 1925 г. на страницах журнала «Безбожник» в статье «Нужны ли особые дни отдыха? О десяти религиозных праздниках (в порядке обсуждения)» делается вывод: религиозные праздничные дни упразднить и предоставить возможность праздновать каждому религиознику за свой счет, следить за неуклонным проведением Кодекса законов о труде, который предусматривает через каждые 5 месяцев непрерывного труда двухнедельный непрерывный отдых. Дальнейшего увеличения дней отдыха можно будет добиться только поднятием производительности труда и увеличением материальных ресурсов нашего рабочего государства [Нужны ли... 1925: 9].

Заключение

Происходившие советские преобразования прямо или косвенно отразились на изменении духовного облика бурятского народа. Менее чем за два десятилетия в жизни бурятского народа произошла транс-

формация экономических, общественных и культурных основ этноса. Советская власть использовала системный подход для модернизации общественного сознания, культуры и быта бурят.

В 1920–1930-е гг. в бурятском обществе произошли процессы советской модернизации. Они осуществлялись на фоне формирования промышленного производства, усиления миграции, развития культурно-экономических контактов с городом, создания систем образования, здравоохранения, социального обеспечения и т. д.

В этот период отчетливо стали проявляться элементы трансформации отдельных сторон повседневной культуры и быта. Еще сохранялись традиционные ценности, основанные на хозяйственно-бытовых, культурных и религиозных воззрениях. В то же время все активнее внедряются ценности индустриального общества, связанные с новым советским образом жизни. В итоге эти процессы привели к формированию высокообразованной, светски ориентированной, социализированной нации — бурятской нации. А процессы индустриализации, урбанизации сменили традиционный образ жизни, быт и материальную культуру на новый советский уклад. При этом утвердились новые формы общественных отношений — это идеологический диктат, приоритет коллектива над личностью, отсутствие свободы индивидуума. Тем не менее советская модернизация бурятского общества охватила весь социум, и ее воздействие оказалось глубоким, всесторонним и действенным. По своим результатам это достаточно успешный проект, решивший свои цели и задачи, однако ценой его осуществления стал процесс постепенной утраты этнической идентичности бурятского этноса.

Источники

ГА РБ — Государственный архив республики Бурятия.

Литература

Бабуева 2001 — *Бабуева В. Д.* Мир традиций бурят. Улан-Удэ: Улзы, 2001. 141 с.
Боронова 2009 — *Боронова М. М.* Национальная интеллигенция и политика этнокультурной ассимиляции в период сталинской модернизации // Культурное пространство Вос-

Sources

State Archive of the Republic of Buryatia.

точной Сибири и Монголии: от прошлого к будущему. № 2. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2009. С. 157–170.

Бурят-Монголия 1953 — Бурят-Монголия в период восстановления народного хозяйства СССР. Образование Бурят-Монгольской АССР (1921–1925). Улан-Удэ: Тип. отд.

- изд-ва и полиграф. пром-сти М-ва культуры БМАССР, 1953. 174 с.
- Бурят-Монгольская 1929 — Бурят-Монгольская национальная театральная студия // Жизнь Бурятии. 1929. № 5. С. 3–4.
- Бороноева и др. 2017 — *Бороноева Т. А., Гомбоев Б. Ц., Нанзатов Б. З., Николаева Д. А.* Бурятский традиционный костюм: альбом (Буряад арадай хубсахан). Улан-Удэ: Принт-лето, 2017. 160 с.
- Делегаты обсуждают 1925 — Делегаты конференции обсуждают доклад о культурно-просветительной работе в улусе и деревне // Бурят-Монгольская правда. 1925. № 55. С. 3.
- В степи 1925 — В степи // Бурят-Монгольская правда. 1925. № 38. С. 5.
- Галданова 1997 — *Галданова Г. Р.* Традиционные верования бурят в системе буддизма // Бурятский буддизм: история и идеология. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. С. 96–97.
- Гомбоев 2004 — *Гомбоев Б. Ц.* Культурные места Баргузинской долины в контексте этнокультурной истории Байкальского региона: дисс. ... канд. ист. наук.: Улан-Удэ, 2004. 255 с.
- Манжигеев 1978 — *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 128 с.
- Махарова 2003 — *Махарова Г. С.* Национально-смешанные браки в Республике Бурятия на современном этапе: дисс... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2003. 123 с.
- Митупов 1957 — *Митупов Б. М.* Бурят-Монгольская областная партийная организация в начале социалистического преобразования республики. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1957. 134 с.
- Митупов 1958 — *Митупов Б. М.* Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятской АССР (1923–1937 гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 144 с.
- Необходимость 1923 — Необходимость освещения быта бурят-монгол // Бурят-Монгольская правда. 1923. № 4. С. 1.
- Нимаев 1988 — *Нимаев Д. Д.* Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. Улан-Удэ: Бурятский филиал СО АН СССР, 1988. 163 с.
- Номогоева 2010 — *Номогоева В. В.* Бурятский буддизм: традиции просвещения и советская власть // Власть. 2010. № 7. С. 77–80.
- Номогоева 2011 — *Номогоева В. В.* Исторический опыт социально-культурной модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920–1930-е гг. (на материалах Республики Бурятия): дисс. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 404 с.
- Нужны ли... 1923 — Нужны ли особые дни отдыха? О десяти религиозных праздниках (в порядке обсуждения) // Безбожник. 1925. № 23. С. 9.
- Очерки истории 1970 — Очерки истории Бурятской организации КПСС / под ред. А. У. Халалова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд., 1970. 612 с.
- Санжиев 1995 — *Санжиев Б. С.* Общественно-политическая жизнь и национально-культурное строительство Советской Бурятии в конце и в годы Великой Отечественной войны, странички воспоминаний: люди и события. Иркутск: ОНЦ Сибирь, 1995. 180 с.
- Социальная структура 1990 — Социальная структура и образ жизни населения Бурятии / ред.: И. Т. Левыкин, Ю. Б. Рандалов. Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1990. 125 с.
- Тармаханов 1979 — *Тармаханов Е. Е.* Промышленность и рабочий класс Советской Бурятии 1938–1958 гг. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979. 333 с.
- Тульцева 1985 — *Тульцева Л. А.* Современные праздники и обряды народов СССР. М.: Наука, 1985. 191 с.
- Цыбиков 1981 — *Цыбиков Г. Ц.* Шаманизм у бурят-монголов // Избранные труды. Т. 2. Новосибирск: Наука, 1981. С. 169–177.
- Цыремпилова 2000 — *Цыремпилова И. С.* История взаимоотношений государства и религиозных конфессий в Бурятии в 1917–1940 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 199 с.

References

- Babueva V. D. The World of Buryat Traditions. Ulan-Ude: Ulzy, 2001. 141 p. (In Russ.)
- Boronoeva T. A., Gomboev B. Ts., Nanzatov B. Z., Nikolaeva D. A. Buryat Traditional Costume: An Album. Ulan-Ude: Printleto, 2017. 160 p. (In Bur. and Russ.)
- Boronova M. M. Ethnic intelligentsia and ethnocultural assimilation policy during the Stalin modernization. In: Cultural Environment of Eastern Siberia and Mongolia — From Past to Future. Ulan-Ude: East-Siberian State Academy of Culture and Arts, 2009. Vol. 2. Pp. 157–170. (In Russ.)

- Buryat-Mongol ethnic drama school. *Zhizn' Buryatii*. 1929. No. 5. Pp. 3–4. (In Russ.)
- Conference delegates discuss Report on cultural and educational work in districts and villages. *Buryat-Mongol'skaya pravda*. 1925. No. 55. P. 3. (In Russ.)
- Educational progress in Buryat Republic. *Buryat-Mongol'skaya pravda*. 1923. No. 44. P. 2. (In Russ.)
- Galdanova G. R. Traditional beliefs of Buryat Buddhists. In: Buryat Buddhism. History and Ideology. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1997. Pp. 96–97. (In Russ.)
- Gomboev B. Ts. Cult Sites of the Barguzin Valley: A Perspective from Ethnocultural History of Baikalia. Cand. Sc. (history) thesis. Ulan-Ude, 2004. 255 p. (In Russ.)
- In the steppe. *Buryat-Mongol'skaya pravda*. 1925. No. 38. P. 5. (In Russ.)
- Khakhalov A. U. (ed.) CPSU Organization of Buryatia: Historical Essays. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1970. 612 p. (In Russ.)
- Levykin I., Randalov Yu. (eds.) Population of Buryatia: Social Structure and Lifestyles. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB USSR Ac. Sc), 1990. 125 p. (In Russ.)
- Makharova G. S. Interethnic Marriages in the Republic of Buryatia: A Case Study of the Contemporary Situation. Cand. Sc. (history) dissertation. Ulan-Ude, 2003. 123 p. (In Russ.)
- Manzhigeev I. A. Buryat Shamanic and Pre-Shamanic Terms. Moscow: Nauka, 1978. 128 p. (In Russ.)
- Mitupov B. M. Buryat ASSR, 1923–1937: Industrial Development and Emergence of the Working Class. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1958. 144 p. (In Russ.)
- Mitupov B. M. Buryat-Mongol Oblast Party Organization in the Early Days of Socialist Transformation. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1957. 134 p. (In Russ.)
- Nimaev D. D. Buryats and Mongols: Cultural and Household Traditions. Ulan-Ude: Siberian Branch of USSR Academy of Sciences (Buryat Office), 1988. 163 p. (In Russ.)
- Nomogoeva V. V. Buryat Buddhism: Traditions of education and Soviet power. *Vlast'*. 2010. No. 7. Pp. 77–80. (In Russ.)
- Nomogoeva V. V. Sociocultural Modernization in Ethnic Regions of Eastern Siberia, 1920s–1930: A Case Study of Buryatia. Dr. Sc. (history) thesis. Ulan-Ude, 2011. 404 p. (In Russ.)
- Sanzhiev B. S. Sociopolitical Life and Ethnocultural Construction of Soviet Buryatia during the Great Patriotic War (Pages of Memoirs): Personalities and Events. Irkutsk: Sibir, 1995. 180 p. (In Russ.)
- Special rest days that necessary? Ten religious holidays revisited (open discussion). *Bezbozhnik*. 1925. No. 23. P. 9. (In Russ.)
- Tarmakhanov E. E. Soviet Buryatia, 1938–1958: Industry and Working Class. Novosibirsk: Nauka, 1979. 333 p. (In Russ.)
- Tsibikov B. D. Buryat-Mongolia during the Soviet Economic Reconstruction. Creation of the Buryat-Mongol ASSR, 1921–1925. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1953. 173 p. (In Russ.)
- Tsybikov G. Ts. Shamanism among Buryat-Mongols. In: Selected Works. Vol. 2. Novosibirsk: Nauka, 1981. Pp. 169–177. (In Russ.)
- Tsyrempilova I. S. Authorities and Religious Confessions in Buryatia, 1917–1940: The History of Interaction Reviewed. Cand. Sc. (history) thesis. Ulan-Ude, 2000. 199 p. (In Russ.)
- Tultseva L. A. Contemporary Holidays and Rites of Soviet Peoples. Moscow: Nauka, 1985. 191 p. (In Russ.)

